

Денис
Драгунский

Денис
Драгунский

МАЛЬЧИК,
ДЯДЕНЬКА

И

Я

книга злой любви
и благодарной зависти

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Д72

Художник *Ирина Драгунская*

Драгунский, Денис Викторович.

Д72 Мальчик, дяденька и я / Денис Драгунский. — Москва : Издательство АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2016. — 318, [2] с. — (Проза Дениса Драгунского).

ISBN 978-5-17-094411-8

В новой книге Дениса Драгунского «Мальчик, дяденька и я» герой ностальгически погружается в свою юность. Рижское взморье — такой же участник повествования, как и персонажи, среди которых и реальные лица с очень известными фамилиями, и вымышленные. Так где же кончается фантазия и начинается реальность? Когда прошлое вновь становится настоящим? И почему мы так часто любим не тех, кто нас любит, а совсем наоборот?

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-17-094411-8

© Драгунский Д.В.
© ООО «Издательство АСТ»

Содержание

<i>Рига внутри</i>	7
Дубулты	12
Варя	24
Roma secreta	42
Мальчик и дяденька	51
Ася	73
Лена	90
Янис	127
Насморк	135
Леша, Регина и Тонечка	144
Вей, ветерок!	155
Vesģiga	176
Дочь писателя	187
«Белая сова»	197
Иван Тихонович	218
Мертвый младенец	241
Никчемное описание	262
Юля и Мышка	283
Отель «Европа»	306

РИГА ВНУТРИ

Сгущался туман.

Это еще смешнее, чем «мороз крепчал».

Однако туман сгущался с каждой секундой.

Туман был желтый, золотистый, апельсиновый.

Из тумана ко мне потянулись руки. Мужские и женские руки, пальцы в тяжелых перстнях, — и я услышал тихое лопотание: «Иди к нам, иди к нам!»

Апельсиновый туман стал сгущаться, темнеть — но вдруг я увидел сам себя как будто откуда-то сверху. Нет, не совсем сверху, не из-под потолка, но всё равно сверху. Как будто бы я сижу на больничной каталке и смотрю на свои ноги. Но я же не сидел, я лежал пластом — и вдруг будто бы сверху я увидел, как к моим бокам приставляют бежевые утюжки электрошока, и доктор командует: «Отой-ти! Разряд!», и мое тело подпрыгивает, как лягушка, которую мучают электричеством на уроке биологии. Было больно, и я чувствовал эту боль, хотя смотрел как будто со стороны.

Денис Драгунский

— Пошел, — сказал доктор. — Пошел, пошел.

Я открыл глаза, и он закричал:

— На меня смотреть! На меня смотреть! Глаза не уводить! На меня смотреть внимательно! На мою руку смотреть! — он пощелкал пальцами. — Глаза не уводить! Кто я? Кто я?

— Врач, — сказал я.

— Как меня зовут?

Я вспомнил и сказал:

— Янис Ансабергс.

— Labi, — сказал он.

То есть по-латышски — «хорошо».

Конечно, хорошо. Просто отлично.

Уже на следующий день я стоял на балконе и смотрел вниз. Ко входу в больницу подъехал полицейский микроавтобус. Вышел водитель в форме, с пистолетом на поясе. Еще один офицер в форме, тоже с пистолетом. Открыли заднюю дверцу — тамеще одна решетка. Отперли замок этой решетки. Вышел парень, голый до пояса, очень худой и мускулистый, весь в татуировках, но без наручников. Полицейские повели его в приемный покой.

Не дождался, как они его поведут обратно.

Потому что в соседней палате солидные деды, русские и латыши, вылезли на свой балкон, вытащили стулья, расселись и по-русски разговаривают о политике. От Андропова до Медведева и Путина, о нефти, об Америке, обо всём на свете. Всё на свете знают, всё на свете понимают. Ужас! Закрыл балконную дверь.

Через час выглянул — машины уже нет.

Гуляю по больничному саду.

Иду по аллее.

Девушка говорит по мобильному по-латышски, быстро и гневно. Всё время вставляя одно-единственное русское слово, обозначающее женщину с невысоким моральным обликом: «Ko? Kad? Blad! Es negribu, blad! Cik nāk? Blad! Man nav laika, blad!»

Я в Риге.

А Рига у меня внутри.

Внутри — то есть в груди, в самом прямом смысле слова. Под левой ключицей. Я тычу себя в грудь пальцем — вот, вот здесь. Люди не знают анатомии и думают, что это и есть сердце. Ну в общем-то они правы.

Рига вшита в меня, она совсем маленькая, размером со старинную серебряную монету. Можно потрогать пальцами, убедиться — вот она, всегда со мной.

Я ее очень люблю. Трогаю пальцами, вспоминаю и улыбаюсь.

Странное дело — мне совершенно безразлично, что о ней говорят. Всякое говорят. Но разные огорчительные сведения я пропускаю мимо ушей. И отвечаю: «Может быть, может быть. А может быть, и нет. Но это неважно. Главное — она красивая, она хорошая, она мне нравится уже давно».

Так бывает, когда любишь далеких женщин.

Сначала мне казалось, что я люблю ее безответно. Не в каком-то трагическом смысле, что вот я добиваюсь ее любви, а она меня отвергает. Она просто не знает обо мне. Может быть, надо было объясниться, и всё стало бы хорошо?

Так у меня бывало много раз. Не сказал. Не понял. Не спросил. И всё.

Но теперь уж поздно.

Остается только вспоминать.

Я был в Риге очень много раз. Когда пытался подсчитать, то получалось, что в целом накопилось около года. Отпуска тогда были длинные, и путевки в дома отдыха продавались на двадцать четыре дня.

Точнее, почти все разы я бывал не в Риге, а на Рижском взморье.

Но так даже лучше.

Потому что я давным-давно пообещал себе: если когда-нибудь я напишу о моей Риге — о *Риге моей юности* — ах, как это романтично, патетично и пошло звучит, ну и пусть! — то в этой книге точно не будет, ни за что не будет двух вещей.

Первое. Там не будет описаний старой Риги, узких улочек, позеленевших крыш, Домской площади, домов в стиле модерн и всего прочего в таком роде. То есть они, конечно, будут, но разве что мелькать. Мы же не в пустом пространстве живем, не в условных декорациях современной пьесы. Но вот этого специального смакования, описания узких улочек, булыжных мостовых, чугунных люков — лучше не надо. Потому что это наталкивает на мысль, что автор использовал гугловские уличные панорамы — ах, как удобно! Идет у тебя герой по улице хоть в Риге, хоть в Барселоне, хоть где хочешь. Ищи эту улицу на карте, нажимай кнопку «Панорама» и описывай подробно, тщательно и, как говорят иные рецензенты, «вкусно».

Старинный русский писатель Загоскин в своем романе «Тоска по родине» отправил своего героя в Мадрид и описал, как тот идет по площади. Очень подробно, зримо и *вкусно* описал все дома, дворцы и соборы, мимо которых он шел. Приятель Загоскина, журналист Иван Панаев, знавший точно, что автор в Европе далее Данцига не бывал, изумился: как это удалось? На что писатель вытащил из ящика стола лаковую табакерку фабрики Лукутина с видом Мадрида, где была изображена та самая площадь. У Загоскина была целая коллекция таких табакерок с видами разных городов — оттого и описания заграницы получались у него столь живо. Так что если писателю XIX века позволительно было описывать проход своего героя по городу согласно картинке на табакерке, то отчего же это не сделать сейчас, во всеоружии «Гугла» и «Википедии»? Но как-то не хочется вводить читателя в соблазн таких подозрений.

И второе мое обещание: там не будет рассуждений о так называемой *исторической правде*. Рассуждений автора, моих рассуждений, я имею в виду.

А раз я бóльшую часть времени провел не в самой Риге, а всего лишь на Рижском взморье, — то и не надо.

ДУБУЛТЫ

Мы с мамой приезжали в Дубулты, в Дом творчества писателей Литфонда СССР имени Яна Райниса на полный срок. Дом был *писательский*, но папа с нами не ездил. Он уже тогда чувствовал себя неважно. Ему была трудна ночь в поезде, труден был и самолет, хотя лететь было всего час с небольшим. Поэтому он оставался на даче с моей маленькой сестрой Ксюшей и няней Полей. А еще раньше он оставался не только с няней, но и с бабушкой. Бабушка тогда еще была жива. Папе не очень нравилось, что мы с мамой уезжаем в Ригу. Мама говорила, что он присылает ей письма и просит поскорее вернуться. И что она отвечает ему в письмах и по телефону, что путевка на двадцать четыре дня и что он сам ее купил для нас. Но он всё равно был недоволен.

Я понимаю почему. Мама была очень красива. Настоящая русская красавица.

Русская красавица — это было ее эстрадное амплуа. Она училась во ВГИКе у Герасимова и Мака-

ровой, ушла оттуда, не закончив курса, — и ее взяли в знаменитый танцевальный ансамбль «Березка». Это была визитная карточка русской народной культуры, в основном для экспорта. Маму взяли вести программу, то есть объявлять номера. Она выходила в сверкающем сарафане, с накладной косой, в кокошнике и красивым голосом говорила: «Праздничная плясовая!» или «Лебёдушка!» — причем на разных языках, зависимо от страны гастролей. В том числе даже на арабском.

Она была красивая всегда. Но особенно она похорошела, помолодела и посвежела после того, как в сорок один год родила мою сестру Ксюшу. Мужчины на нее засматривались. В самом прямом смысле слова. Идешь с ней рядом по улице или по пляжу — а они смотрят. Глазами провожают. Кстати говоря, в один из этих приездов за мамой начал ухаживать тот человек, который потом, после папиной смерти, на несколько лет стал ее почти что официальным любовником.

Впрочем, ладно.

Дом творчества был напротив железнодорожной станции; территория, огороженная низеньким забором, выходила прямо к морю, вернее, к Рижскому заливу. Именно в этом месте, в Дубултах, находится самый узкий перешеек между Рижским заливом и рекой Лиелупе, что в переводе значит «Большая река». Сама река была не очень большая, гораздо меньше Даугавы, но все-таки вполне солидная. По ней тогда плавали баржи и пассажирские кораблики — сейчас этого уже нет. Еще

нам рассказывали, что река Лиелупе невероятно, просто чудовищно глубока — двадцать, тридцать, а кое-где и сорок метров. В это верилось, потому что, когда входил в воду, через два-три шага дно резко обрывалось вниз, в бездну.

А примерно в трехстах метрах, если пройти через территорию Дома творчества, был Рижский залив, и он, наоборот, был утомительно мелким. Надо было идти пятьдесят, а то и сто шагов, прежде чем намочишь трусы. Поэтому мы обычно плавали на мелководье, не заходя особенно далеко и время от времени натыкаясь коленками на песчаное дно. В других местах было чуть-чуть поглубже, но у нас в Дубултах — вот так.

Однако именно здесь, именно в этой мелкой воде много-много лет назад утонул, купаясь, великий русский критик Дмитрий Иванович Писарев. Тот самый, который сказал, что сапоги важнее Пушкина и что в России нужны не школы, а университеты. Ему было всего двадцать восемь лет, и он уже успел написать четыре тома хулиганских статей. Можете себе представить, что было бы, если бы он дожил хотя бы до пятидесяти? Вполне возможно, что революция в России случилась бы на двадцать лет раньше и вообще всё было бы по-другому.

Ах, это проклятое «по-другому»!

Всё время кажется: для другой судьбы ничего особенного делать не надо. Всего лишь повернуться на миллиметр в другую сторону. Изменить курс на одну секунду дугового градуса.

Всё время кажется: позвонил бы я по телефону или, наоборот, не позвонил бы, пошел бы в гости, несмотря на температуру, перемогся бы как-нибудь или, наоборот, не стал бы перемогаться, остался бы дома, под теплым пледом, пить чай с лимоном — и всё, всё, вы понимаете, всё-всё-всё в моей жизни было бы по-другому.

Однако Писарев утонул, а я не позвонил. Но зато через силу пошел в гости.

И поэтому всё получилось так, как оно получилось.

Дом творчества в Дубултах — это была территория, как я уже сказал, обнесенная забором, с закрытыми на хилую задвижку воротами, безо всякого замка и, уж конечно, безо всякой охраны. Тем более что забор был только со стороны улицы, а со стороны залива были просто кусты, а меж кустов — тропинки или ступеньки, ведущие к пляжу.

На этой территории стояло несколько деревянных домиков, как тогда говорилось, корпусов. Один из этих домиков был весьма солидный, похожий на московский ампирный особнячок, с двумя колоннами и парадным полукруглым крыльцом. Конечно, он не был каменным. Он был точно таким же деревянным, только оштукатуренным. Но если московские особнячки были желтые, то этот был покрашен каким-то холодным цветом, точно не помню, но кажется, серо-бежевым. А может быть, даже серо-голубым. В этом красивом корпусе жило литературное начальство, секретари правления и члены правления Союза писателей или про-